

СОЦИОЛЕКТЫ И НАРОДНО-РАЗГОВОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В «ЁДДОШТХО» С. АЙНИ

Неъматзода Мукаддас Хабиб, кандидат филологических наук, доцент,
декан инженерно-педагогического факультета Джабборасуловского района
ГООУ «Худжандский государственный университет имени
академика Б. Гафурова»

Аннотация: Анализируется речевая дифференциация социальных групп в «Воспоминаниях» С. Айни. Рассматриваются особенности речи духовенства, торговцев, женщин, детей и молодежи. Выявляются народно-разговорные элементы: междометия, редупликация, уменьшительные формы.

Ключевые слова: Садриддин Айни, социолект, народно-разговорная речь, речевая характеристика, таджикская литература.

SOCIOLECTS AND FOLK-COLLOQUIAL ELEMENTS IN YODDOSHT-HO BY S. AYNI

Abstract: *Speech differentiation of social groups in S. Aini's "Reminiscences" is analyzed. Speech features of clergy, merchants, women, children and youth are examined. Colloquial elements are identified: interjections, reduplication, diminutive forms.*

Keywords: *Sadriddin Aini, sociolect, colloquial speech, speech characterization, Tajik literature*

Современные исследования художественного текста всё более активно обращаются к анализу живой разговорно-народной речи персонажей как важнейшего средства создания художественного мира и отражения социальной реальности [1]. В прозе Садриддина Айни данный речевой слой играет особую роль, поскольку через него писатель не только воспроизводит многообразие социально-речевых типов, но и формирует модель нового литературного языка [1, с.85-87]. Актуальность предлагаемой статьи обусловлена недостаточной разработанностью комплексного анализа разговорно-народной речи (реплик, устойчивых оборотов, диалогических структур) в произведениях Айни, что открывает возможности для уточнения особенностей его индивидуального стиля и механизмов взаимодействия устной и книжной традиций [1, с.137-142].

Социальная стратификация через диалог проявляется в речи различных сословий феодального таджикского общества. Через речевые особенности персонажей С. Айни создаёт яркую картину социальной реальности дореволюционной Бухары [1; 2].

Речь духовенства изобилует арабизмами и схоластическими формулами. Типичный пример: «Суоли аввал ин буд: «мусанниф чаро «бидон» гуфтаасту «бихон» нагуфтааст?» Чавоб: «Зеро хондан лозим надорад донистанро, аммо донистан лозим дорад хонданро. Бинобар ин мусанниф «бидон» гуфтаасту «бихон» нагуфтааст»» [3, с. 69]. Строгая формула «Вопрос первый... Ответ...», арабский термин «мусанниф» (автор), логическая связка «бинобар ин» (следовательно) – язык схоластического образования, оторванный от реальной жизни.

Похвала муллы оформляется религиозной формулой: «Агар бурро ва бе ғалат хонам «боракалло, дарсҳоятро ҳамеша ана ҳамин тарз аз ёд кун!», мегуфт» [3, с. 69]. Имам манипулирует шариатом для защиты богача: «– Бисёр хуб, ин тавр бошад, ҳар чизе, ки бой муносиб бинанд, ҳамон ҳақи хизмати ту мешавад» [3, с. 33], используя псевдоюридическое обоснование.

Коллективное чтение молитв описывается как ритуализированная речь: «Хольағони солхӯрда ҳар пагоҳ дар масҷид баъд аз намози бомдод бо овози баланд «авроди фатҳия» ном дуоеро бо як овоз ва ба оҳанги махсусе мехонданд» [3, с. 50].

Речь торговцев и ремесленников противопоставлена духовенству своей практичностью. Эгоистичная речь Алиҳона состоит из трёх рубленных предложений: «– Ба ман на боғ даркор, на замин. Барои ман бозор бошад бас. Олавро обу азоб гирад, парво надорам» [3, с. 24]. Отрицание, утверждение личного интереса, циничное равнодушие к общему бедствию – типичная речь базарного торговца.

Устохоча использует мягкую иронию: «– Эшон амак, шумо ғалатӣ одам будаед, магар ду девонаро дар як ҳавлӣ намомонанд ва ҳол он ки дар деҳаи худамон ман даҳ ҳавлиро медонам, ки дар ҳар кадомаш ду-се девона ҳаст» [3, с. 46-47]. Обращение «эшон амак», мнимое согласие, ирония через общее правило – и убийственный финал, называющий безумцами жестоких отцов.

Профессиональные термины характеризуют мастеров: **«Дукони бофандагӣ, ки дар даҳлези хонаи шимолӣ бино ёфта буд ва дукони чархиосиётарошӣ, ки дар зери айвони ошхонаи он хона буд, корхонаи амакам буд»** [3, с. 10]. Перечисление инструментов показывает профессионализм: **«Падарам табар, дасттеша, дастарра ва дасткола (токбур)-ро тайёр кунад»** [3, с. 24].

Философское объяснение образованного ремесленника: **«Устохоҷа гуфт: «Маънии ҳазорсола шудани як одам он нест, ки ӯ дар зиндагии худ ҳазор солро аз сар гузаронад, балки маънии ин сухан хамин аст, ки ӯ ҳазор сола умр баробари як сола умри дигарон зиндагӣ карда бошад...»»** [3, с. 47].

Женская речь характеризуется формулами заботы и религиозными оберегами. Мать беспокоится: **«– Худо накарда, магар дар мизочатон гаронӣ доред, ки ин қадар пажмурда ва ғамгин менамояд?»** [3, с. 50-51], где «Худо накарда» (не дай Бог) типично для женской речи. Бабушка реагирует на бедствие эмоционально: **«Бобобиби аз ҳавлии мо баромада ба тарафи боғ давида рафт ва бо овози баланд дуо мехонд ва гиря мекард»** [3, с. 24].

Детальное описание домашних действий показывает заботу о комфорте мужа: **«Модар хӯрчинро дар айвончаи ошхона гузошта, зуд ба хона даромада салла ва чомаи падарро гирифта ба мехи девор овехт ва дар чои нишасти ӯ кӯрпача паҳн намуда лӯлаболишҳоро дар паҳлуяш гузошт»** [3, с. 50]. Угроза наказанием через мать – женская стратегия воспитания.

Детская речь отличается непосредственностью и краткостью. Простой вопрос любознательности: **«– Ин аз чист?»** [3, с. 11]. Три слова выражают желание без объяснений: **«– Ман ҳам меравам!»** [3, с. 10]. Детская непосредственность в сравнении: **«– Сафедаш ба рӯи Кутбия ойтӯтем**

хамранг аст» [3, с. 62], прямое сравнение без дипломатии. Детская логика: «– Шояд ба шумо ҳамин хуш ояд гуфта фикр кардам» [3, с. 62] – принёс оба цвета, чтобы наверняка угодить.

Бунтующая молодёжь представлена решительной речью Хабибы. Уверенность победительницы: «– Ха, балоча! Ту дар ин чохо чӣ кор мекуни? Аз ҳама пештар ту фаҳмидӣдия, ба ҳама салом гӯӣ» [3, с. 68], где обращение «балоча» (вредина, сорванец) звучит тепло. Радикальный жест отказа: башмак в навозе как ответ на сватовство [3, с. 64].

Парадоксальное желание как вызов системе: «Хабиба дар чавоби ин суханони ӯ «кошкӣ пеш кунанд» гӯён охе мекашид» [3, с. 61]. Открытое обсуждение любовной тематики – смелость для девушки. Эмоциональное исполнение газели нарушает нормы приличия: «Хабиба... он ғазалро чунон дилсӯзона хонд, ки дар чашмони худаш об чарх зад» [3, с. 61].

Народно-разговорная речь проявляется через междометия, создающие эмоциональную атмосферу. «Эхе!» выражает приятное удивление, удвоенное «воҳ-воҳ» усиливает комический эффект, частица «ха» привлекает внимание.

Редупликация передаёт интенсивность и распределение действий через удвоения типа «давон-давон», «хӯрда-хӯрда», «лангон-лангон», «оҳиста-оҳиста», «кам-кам».

Уменьшительно-ласкательные формы создают атмосферу близости через суффиксы в словах «балоча», «духтарак», «китобча», «айвонча», «боғча». Эллиптические конструкции типичны для диалога с опущенными глаголами и подлежащими.

Разговорные формулы включают религиозные и социальные клише типа «боракалло», «олавро обу азоб гирад», «худо накарда», «хуш омадед», «бо қитти қонат».

Типология народно-разговорной речи в диалогах Айни создаёт эффект устности, документальности и этнографической точности, где каждая реплика характеризует социальное положение, уровень образования, психологический склад и ценностные ориентации говорящего, передавая

эпоху через архаичные формулы обращения, религиозную лексику и бытовые реалии феодальной Бухары.

Список литературы

1. Нематова М. Х. Народно-разговорный язык в таджикской поэзии XX века: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2010. 151 с.
2. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. 288 с.
3. Энциклопедияи насри муосири тоҷик. С. Айнӣ. Ёддоштҳо. Душанбе, 2009. 680 саҳ.